

Долгих Аркадий Наумович

**Т. ФОН БОК: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
"ИМПЕРАТОРСКОГО БЕЗУМЦА"**

В статье рассматриваются социально-политические взгляды известного военного деятеля первой четверти XIX в. полковника Тимотеуса фон Бока, в 1818 году обратившегося к императору Александру I с письмом, в котором в жесточайшей форме раскритиковал внешнюю и внутреннюю политику этого императора, за что был наказан заключением в тюрьму на неопределенный срок и объявлен сумасшедшим.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/14.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 60-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 63.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются социально-политические взгляды известного военного деятеля первой четверти XIX в. полковника Тимотеуса фон Бока, в 1818 году обратившегося к императору Александру I с письмом, в котором в жесточайшей форме раскритиковал внешнюю и внутреннюю политику этого императора, за что был наказан заключением в тюрьму на неопределенный срок и объявлен сумасшедшим.

Ключевые слова и фразы: крепостное право; крестьянский вопрос; дворянство; Лифляндия; фрондеры.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент

*Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
Adonli@mail.ru*

**Т. ФОН БОК: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ «ИМПЕРАТОРСКОГО БЕЗУМЦА»**

Хотя бы представления массового сознания об общественных настроениях эпохи правления Александра I обычно сводятся к тому, что разочаровавшиеся в нем и в его политике «прогрессивные» молодые (по преимуществу) дворяне, в основном офицеры, прошедшие войну 1812 г. и Заграничный поход 1813-1814 гг., организовали тайные общества и стали в конечном счете «декабристами», вплотную столкнувшись с самодержавно-крепостнической системой в 1825 г. Все это верно, но отнюдь не полно отражает спектр настроений дворянского общества того периода, так как в оппозиции режиму в «посленаполеоновский» период царствования Александра находились и люди совершенно иной ориентации – фрондеры, которых исследователь М. А. Давыдов удачно назвал «оппозицией Его Величества», в их число вошли, например, достаточно далекие от «политики» генералы Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, А. А. Закревский, М. С. Воронцов, П. Д. Киселев, И. В. Сабанеев, занимавшие значительные посты в армии, а со временем и в государственных структурах (о них скептический А. С. Грибоедов уже не мог сказать, что «сто прапорщиков хотят перевернуть Россию»). Эти люди в тайные общества не входили, делали карьеру, служа не только монарху, но и России, на определенных этапах деятельности переставали быть яркими приверженцами сложившейся «системы» по причинам разного свойства: недовольства казарменными порядками и фрунтотомией, заведенной еще Павлом I (здесь его сыновья были верными адептами отца), учреждением «военных поселений», действиями во внешней политике (например, воссозданием Польши, пусть и под властью российского императора, и дарованием ей конституции в 1815 г.), «кадровыми решениями», прежде всего, выдвиганием на первый план «великого визиря» графа А. А. Аракчеева («змея», как многие из них его называли), а также (что греха таить) и своим недостаточным продвижением и неадекватной оценкой верховной властью их усердия в службе. Но отнюдь не все из них публично, пусть и в своей закрытой от глаз «перлюстраторов» переписке, заявляли о своих оппозиционных воззрениях – в том числе и по причинам карьерным [3; 14].

Одним из исключений здесь стало в свое время дело полковника Тимотеуса Георгиевича (Тимофея Егоровича) фон Бока (1788-1837), выходца из семьи состоятельного лифляндского помещика. С 18 лет он состоял на военной службе сначала в Мариупольском, затем в Лейб-гвардии гусарском и, наконец, в Изюмском гусарском полку. Фон Бок участвовал во всех войнах России с 1806 г., в 1813 г. был уже полковником, был награжден несколькими боевыми орденами и золотыми оружием за храбрость. Был он известен и своими независимыми взглядами. Так, в 1813 г. в записке, поданной генералу П. Х. Витгенштейну, он указывал на необходимость устранить от влияния на военные и политические дела графа Аракчеева; в том же году обратился с письмом к М. Б. Барклаю-де-Толли, доказывая необходимость твердости и самостоятельности в действиях главнокомандующего. Одному из друзей он писал по этому поводу: «Меня пока не повесили, несмотря на то, что я подал записку, которую вам читал, не изменяя в ней ни слова». Александр I знал Т. фон Бока с первых дней его службы, причем их отношения, возможно, были короткими до такой степени, что, по версии эстонского романиста Я. Кросса, император якобы взял с него торжественное обещание «говорить и писать ему всю правду». Бок был также знаком с рядом литераторов: В. А. Жуковским (с которым его связывали, скорее, даже дружеские отношения), Н. М. Карамзиным, А. И. Тургеневым, с 1816 г. он уже в отставке (видимо, из-за разочарования в императоре и его политике) живет в своем лифляндском имении Войсек. По мнению советского историка А. В. Предтеченского, Бок не был связан с декабристскими обществами, так как отрицал «методы революционной борьбы». Но в 1818 г. он-таки обратился к монарху с весьма жестким (по-военному!) письмом (его перевод с немецкого на французский, а именно в таком виде оно было послано императору, датирован 22 марта 1818 г.; в дальнейшем его текст был переведен и на русский язык).

Как писал Предтеченский, записку свою (которую автор позиционировал, по нашему мнению, для возвышения ее статуса как якобы предназначенную для прочтения в собрании лифляндского дворянства) Бок через министра полиции С. К. Вязмитинова отправил Александру I. Результат этого шага оказался отнюдь не неожиданным для Бока: как явствует из заключительных слов его записки, он предвидел, что монарх не простит ему столь неслыханной дерзости. Он не ошибся. 9 мая 1818 г. Александр I отправил лифляндскому и курляндскому

генерал-губернатору маркизу Ф. О. Пауллуччи предписание об аресте Бока и направлении его в Шлиссельбургскую крепость. Император писал, «что Бок – несомненный сумасшедший. Только поэтому он не предает его военному суду. Но сумасшедших нельзя оставлять на свободе». Поэтому монарх назначил Боку в качестве изолятора Шлиссельбург. По словам Предтеченского, «в явном противоречии с только что высказанным утверждением Александр выражал беспокойство по поводу того, нет ли у Бока сообщников, и приказывал Пауллуччи тщательно обыскивать все его бумаги. В крепости Бок содержался в не совсем обычных условиях. Ему было запрещено писать». Только в 1820 г. арестанту была разрешена переписка с женой, которая скоро прекратилась вследствие его душевной болезни. Лишь при Николае I в 1827 г. он был освобожден и ему было позволено жить в своем имении под надзором местных властей. В 1837 г. он умер при не до конца выясненных обстоятельствах (не то убили, по версии Я. Кросса, не то он покончил с собой, по официальной версии). Единственным упоминанием о деле Бока у современников было замечание декабриста А. М. Муравьева: «Совершались неслыханные несправедливости <...> Полковник Бок, поддерживавший в течение долгого времени переписку с Александром I, был заключен в Шлиссельбургскую крепость (где умер безумным) за то, что в одном письме напомнил, что царь отрекся от своих первоначальных направлений» [2, с. 119; 4; 5; 7, с. 240-253, 346; 8, с. 5-379; 10; 12].

Несмотря на наличие небольшой литературы по данной теме, сами воззрения Т. фон Бока не до конца исследованы. Попробуем проанализировать их некоторые стороны хотя бы в первом приближении, особенное внимание уделяя именно «крестьянской» теме, исходя непосредственно из текста его письма 1818 г. Отметим сразу некоторую его хаотичность, периодический возврат к уже сказанному ранее, повторы, что явно говорит о взволнованном состоянии его автора. Обратим внимание и на время его написания. Именно 1818-й год – это, с нашей точки зрения, апогей реформаторской деятельности Александра I второй половины царствования, время начала работ по созданию Государственной Уставной грамоты – проекта российской конституции – под руководством Н. Н. Новосильцева, время наибольшего числа дворянских проектов решения крестьянского вопроса за все его царствование (по нашим данным, около 70), связанное во многом с рядом заявлений и действий императора на сей счет (в частности, началом процесса безземельного освобождения крестьян в так называемых остзейских губерниях).

Это и год знаменитой речи императора в сейме Царства Польского, прогремевшей на всю Россию, в которой он туманно обещал распространить «законно-свободные» учреждения Царства Польского на другие подведомственные ему территории (при этом речь шла, возможно, не только о даровании России конституции типа польской 1815 г., но, с некоторой долей вероятности, и о возможных крестьянских реформах в западных губерниях, имея в виду предполагаемое восстановление Польши именно в границах XVI в.). Причем время подачи письма и этой речи близки: 15 марта 1818 г. – речь императора, 22 марта 1818 г. – известная нам дата осуществления перевода письма фон Бока. А если добавить сюда и замечания автора послания о 60 тысячах польских телохранителей монарха и недопустимости нахождения на территории России иностранных войск (так, в п. 48 своеобразной конституции Бока, помещенной в этом послании и предлагаемой России, указывалось, что «Государь не может ни под каким мыслимым предлогом ввести в отечество иностранную армию или вооружить иностранцев против своего народа <...> Тот, кто это совершает, повинен в самой тяжкой измене»), то эта связь становится, пусть и косвенной, но достаточно очевидной. Во всяком случае, подобное предположение выдвинуть вполне возможно и оно будет корректно хотя бы как катализатор к написанию и отправлению указанного выше послания.

В самом документе стоит сразу выделить сделанные его автором некоторые принципиальные акценты. Начнем с вопроса о том, какие позитивные моменты видел в деятельности своего монарха критически настроенный к нему подданный? Прежде всего, речь здесь шла о поведении Александра в период войны 1812 г. и Заграничного похода, вообще после Тильзита («Единственный светлый период за последние 13 лет его деятельности – это тот, когда, находясь между смертью и позором, он решил поступить как мужчина, за что справедливое провидение увенчало его лаврами...»). Правда, автор письма также говорил и о хорошем «зачине» царствования – реформах первых его лет, их «либеральной» составляющей. Но, к сожалению, по его словам, затем все изменилось. Выделим здесь критику автором письма системы расстановки монархом людей на важные государственные посты по принципу угодности и угодничества с их стороны. Очевидно очень плохое отношение автора к А. А. Аракчееву (который был бы «счастлив сделать из Александра лицемерного и кровавого Тиберия»), плохое – к барону Г. Розенкампу (одному из руководителей Комиссии составления законов Государственного совета), Д. А. Гурьеву (быстро делавшему карьеру с помощью всякого рода ухищрений и уже ставшему в ту пору министром финансов), П. В. Лопухину («продавшему свою дочь», которая стала в свое время фавориткой Павла I, а отец возвысился в чиновной сфере и в лестнице знатности, став при Павле светлейшим князем, а при Александре с 1816 г. председателем Государственного совета и Комитета министров), князю Д. И. Лобанову-Ростовскому (в ту пору министру юстиции, «шуту», по словам Бока), князю А. Н. Голицыну (главе Министерства народного просвещения и Святейшего Синода), князю П. М. Волконскому («лакею и своднику», по определению Бока, в ту пору начальнику Главного штаба Его Императорского Величества). По словам автора письма, «достаточно иметь характер и талант, чтобы быть удаленным от двора навсегда», но, «если министр подл и ограничен, он может быть уверен в милостях монарха», а «министры другого сорта стесняли бы Его Величество».

Среди тех лиц, которые упоминаются им в негативном плане (в контексте тезиса «демагогия и ханжество – верные спутники тирании...»), из современных ему иностранных деятелей названа мистически настроенная

баронесса В. Ю. фон Крюденер, именуемая автором письма «проституткой» и, по его мнению, являвшаяся фактической создательницей Священного союза. Автор письма в целом достаточно сдержанно относится к Петру I, негативно – к Петру III (предпочитавшему «рыболовную сеть и свою голштинскую клику тяжелым обязанностям правителя») и Павлу I (который «поплатился жизнью за насилие над дворянством»; он бы еще написал, что Александр виновен в смерти Павла!), но явно позитивно, даже чрезмерно – к Екатерине Великой (законами которой «национальному дворянству формально была обеспечена безопасность от произвола и постоянные представительные учреждения (?! – А. Д.) – как классу, пользующемуся конституционными правами»). Налицо также позитивное отношение к ряду тогдашних политических деятелей и сановников, отставленных от государственных дел по разным причинам: Н. П. Панину, П. А. Палену, В. П. Кочубею, генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову (скончавшемуся в 1816 г.), Ф. В. Ростопчину, Н. Н. Новосильцеву. При этом не всегда можно понять, чего здесь больше – идеологических, нравственных или политических приоритетов. Что же касается строк, обращенных к самому патрону и адресату, то высказывания фон Бока в отношении монарха крайне резки и прямо-таки оскорбительны: «Первый принцип деятельности Его Величества заключается в том, чтобы предаваться собственным страстям и оправдывать величайшие безобразия. Он не ведает ни долга по отношению к своему народу, ни силы, перед которой должен был отчитываться...».

Облик Бока вырисовывается достаточно ярко. Вояка-полковник, храбрец, гордящийся своими сражениями и многочисленными ранами, патриот Лифляндии, немец и лифляндский барон, но не отделяющий себя от России, фактически своей второй родины, полагающий, что именно дворянство является цветом нации. Налицо также некий православный акцент в его религиозных взглядах, фактически не упоминаются иные религии. Возможно, действительно между ним и императором были в свое время доверительные отношения, а раз так, надо искать пункты мировоззрения обоих, сближавшие их на определенном этапе, – видимо, либерализм (что бы под ним ни понималось в ту пору), обоюдное согласие на решение крестьянского вопроса (судя по роману Я. Кросса, Бок освободил своих крестьян, женился на крепостной девушке, выкупив ее и ее брата у помещика за огромную сумму).

Особо стоит остановиться в связи с вышесказанным на вопросе о крестьянской реформе, соотношении тех преобразований, которые были начаты Александром I в западных губерниях империи, с представлениями о них у его визави. Вопрос этот особенно волновал автора послания, и к нему он обращался несколько раз, как бы приступая к нему заново. Мы объединим эти «приступы» в единую схему. Итак, по его мнению, «рабство есть институция столь же бессмысленная, сколь и возмутительная. Наш монарх не может его одобрить», то есть изначально их мнения с императором на сей счет были, видимо, едины, но далее их позиции разошлись. По словам Бока, «споры по вопросу об освобождении крестьян имели с самого начала подозрительный характер», ибо «никто не был заинтересован в отказе от своих наиболее существенных прав и <...> не чувствовал в себе достаточно сил, чтоб отказать в чем-либо правительству». По его мнению, монарх «использует освобождение крестьян только в качестве повода, чтобы подавить единственный класс, который до сих пор сопротивлялся проявлениям тирании <...> Мы опираемся на законы справедливости и благоразумия, которые были гарантированы нам при вступлении Его Величества на престол, и заявляем: “Наша добрая воля уже завела нас слишком далеко в деле освобождения крестьян, и мы ничего больше не будем предпринимать в этом направлении, так как дело заключается не в том, чтобы вскружить крестьянину голову словом *свобода*, а в том, чтобы прочно утвердить благосостояние всей нации – с тем, чтобы и земледелец не потерял своего места”». При этом автор послания полагал, что «дворянство в России не состоит из тех средневековых баронов, аристократический дух которых <...> обеспечивал господство права сильного. Русское дворянство состоит из мирных граждан. Только они во всей империи цивилизованны...» Развивая свою мысль, он ставит (формально перед дворянством) вопрос: «В наших ли интересах как дворянского сословия и в интересах ли страны в целом отделить от нас крестьян...», сам сомневаясь в этом.

Им же выдвигались и аргументы против проектируемого освобождения крепостных. «Я предлагаю вам поразмыслить над тем, насколько улучшится положение крестьян, когда они будут освобождены от власти их господ. Назовите мне в Лифляндии таких крестьян, которые были бы так угнетены, как государственные крестьяне, осчастливить которых императору не мешает никакое дворянство. Спросите <...> какое возмещение получили крестьяне Ораниенбаумского уезда прошлой осенью за причиненные во время маневров убытки и за целиком уничтоженные яровые? <...> Спросите во всех губерниях империи, какие жертвы приходится крестьянам короны приносить хищничеству чиновников сверх оброка <...> Сами крестьяне разоряются огромными повинностями и жадностью чиновников. Деревни систематически опустошаются рекрутскими наборами <...> Домашний покой и преуспеяние крестьян принесены в жертву голоду и прихотям солдата и возмутительному произволу». Приводится в пример и тяжелое положение крестьян в военных поселениях, о которых автору письма даже не хочется говорить, дабы «не обесчестить» имя монарха «перед лицом всей Европы». В связи с этим Бок предлагал (как бы обращаясь к лифляндскому дворянству) требовать от имперских властей «созвать съезд всего русского дворянства как нераздельного целого, чтобы принять меры, которые поставили бы предел правительственным злоупотреблениям и обеспечили бы 40 миллионам людей такое положение, при котором им не угрожали бы всевозможные несчастья...». Чего в этих предложениях Бока больше – наивности (он, что, не понимал, что дворянство в принципе будет против любого посягательства на их права душевладельцев, не понимал, с какой массой Простаковых и Скотининых должно было договариваться правительство, делая что-либо, пусть и не всегда успешно, в пользу крепостных?), либо

(объективно!) скрытой угрозы в отношении императора с намеком на возможный переворот в духе событий 11 марта 1801 г.? Его аргументы против проведения крестьянской реформы были типичны для консерваторов той эпохи: например, обращение внимания на бедственное положение государственных крестьян и произвол в отношении них со стороны чиновников, проповедь патриархальных отношений помещиков и крепостных в духе отношения «отцов и детей» и др. [4; 5].

В случае фон Бока мы имеем дело с необычной дворянской фрондой. Его воззрения здесь напоминают взгляды старшего князя Болконского в «Войне и мире», вообще «людей чести» и «стародумов». Он ведь не выступал против института монархии (даже и самодержавия), хотя и предлагал созыв, пусть и по частной проблеме, своеобразного дворянского Собора. Несмотря на изолированность от тайных обществ и оппозиционных кругов, он отразил в этой записке ряд положений, высказанных в ту пору рядом его современников. Среди них идеи о созыве дворянского съезда для решения вопросов, связанных с дальнейшими судьбами владельческих крестьян (перекликающиеся с предложениями известного консерватора, калужского губернского предводителя дворянства князя Н. Г. Вяземского), о самостоятельном решении дворянами крестьянского вопроса (похожая на предложения князя П. А. Вяземского, легшая в основу Дворянского общества 1820 г., созданного для освобождения крепостных), о сохранении близких отношения дворян и крестьян в духе «отцов-детей» (в духе Ф. В. Ростопчина), о гласности в проведении политики по крестьянскому вопросу (сходные по звучанию с мыслями Н. И. Тургенева, высказанными в записке монарху 1819 г.), скепсис в отношении путешествий императора, как и увлечений парадами и его воинских «неумений», близкая пушкинскому «Нюэлю» («Ура! В Россию едет кочующий деспот...»), стихотворению, написанному, между прочим, в 1818 г.) и его известной эпиграмме «Воспитанный под барабаном...», общий дух критики монарха, напоминающий тон Н. М. Карамзина из «Записки о древней и новой России», оценки личности Александра, близкие к подобным у князя А. Е. Чарторижского, негативное отношение к пристрастию императора к А. А. Аракчееву и «немцам» в духе высказываний генерала А. П. Ермолова и людей его круга [1, с. 87, 97-98; 6; 9, с. 14-17; 11, с. 342-343; 13, с. 241].

Остается в заключение вопрос, какова была цель Т. фон Бока, чего хотел он добиться своим крайне оскорбительным письмом? Если он стремился изменить что-либо в политике своего монарха, давая ему советы, то делать это надо было в осторожной и мягкой форме, хотя бы в духе Карамзина, а в том виде, как это было сделано им, ни при каком режиме не могло бы привести ни к чему иному, как к расправе с автором. Трудно говорить о нормальном рассудке человека и автора, либо просто это все он писал в порыве гнева. Итог был очевиден – арест, обвинение в «безумстве» и тюрьма на долгие годы.

Список литературы

1. **Бумаги графа А. А. Закревского** / под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского Российского Исторического Общества: в 148-ми т. СПб., 1890. Т. 73. XV+XVI+616+VII с.
2. **Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820-х годов**: в 2-х т. / общ. ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1931. Т. 1. 460 с.
3. **Давыдов М. А.** Оппозиция Его Величества: дворянство и реформы в начале XIX в. М.: РГГУ, 2005. 191 с.
4. **Долгих А. Н.** Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII-XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. 2. С. 70-73.
5. **Записка Т. Е. Бока** / публ. А. В. Предтеченского // Декабристы и их время: материалы и сообщения / под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1951. С. 189-203.
6. **Карамзин Н. М.** Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Литературная учеба. 1988. № 4. С. 109-132.
7. **Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в.**: сборник документов и материалов: в 4-х т. / подг. материала, коммент. и введ. ст. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. Т. 3. 370 с.
8. **Кросс Я.** Императорский безумец. М.: Известия, 1985. 464 с.
9. **Остафьевский архив князей Вяземских**: в 5-ти т. М., 1899. Т. 2. Ч. IV. 371 с.
10. **Предтеченский А. В.** Современник декабристов Т. Г. Бок. Таллин: ЭГИ, 1953. 95 с.
11. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 3-е. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1962. Т. 1. 536 с.
12. **Салупере М.** К биографии «императорского безумца». Т. Э. фон Бок (1787-1836) в романе Я. Кросса и новонайденных материалах // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: в 9-ти т. Таллин: ЭГИ, 1995. Т. 1. С. 57-79.
13. **Чарторижский А.** Мемуары. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 304 с.
14. **Экштут С. А.** На службе российскому Левиафану. Историко-философские опыты. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 328 с.

T. VON BOCK: ON CHARACTERISTIC OF SOCIAL-POLITICAL VIEWS OF THE “IMPERIAL MADMAN”

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky
Adonli@mail.ru

The article deals with social and political views of the famous military leader of the first quarter of the XIX century, colonel Timotheus von Bock, who in 1818 addressed the emperor Alexander I with a letter, in which he criticized the emperor's foreign and domestic policies most severely and was punished by imprisonment for indefinite period and declared insane.

Key words and phrases: serfdom; peasants' issue; the nobility; Livonia; Frondeurs.